

Выборы нового президента Академии наук Молдовы - примерно через месяц, и, конечно, вопрос, кто же возглавит центр молдавской науки, определит его политику на ближайшие годы, широкому кругу общественности безразличен быть не может. Сегодня в той или иной степени все мы зависим от развития науки в стране. Правда, о научной «политике» - современных проблемах, различных направлениях работы, контактах, проектах АНМ - среднестатистический житель Молдовы знает очень мало. И лучший способ узнать, чем живёт молдавская Академия наук, - задать вопросы реальному претенденту на роль её лидера, у которого уже есть своя программа действий и своё видение событий. Среди четырех кандидатов, претендующих на должность президента АНМ, - председатель Национального совета по аккредитации и аттестации, академик Валериу КАНЦЕР. В научной среде, друзья и знакомые знают его как серьезного ученого, большого оптимиста, отличного организатора, открытого, общительного, доброжелательного человека и как настоящего трудолюбивца, который «сначала думает о Родине, а потом - о себе».

Кто станет следующим президентом Академии наук?

У Молдовы есть креативные

Извилистые возможности плагиата

- Валерий Георгиевич, Национальный совет по аккредитации и аттестации, которым вы руководите, для простого читателя - область incognita, в общем - неизвестная. Чем же, если вкратце, занимаетесь?

- Если перечислять все, что мы делаем, боюсь, «вкратце» никак не получится. Аналог нашего Совета - российское Федеральное агентство по надзору за образованием и наукой. Звучит внушительно, чувствуется «министерский масштаб!» Наше название звучит как бы скромнее, но наш Совет (при тех же практических функциях), в отличие от российского аналога, ещё и объединен с ВАИКом, ведомством по аттестации научных кадров, что только расширяет круг наших обязанностей. Так что, кроме докторантуры, аккредитации, оценки научной деятельности, которую даем всем научным организациям, институтам и университетам, занимаемся еще и аттестацией - координацией и организацией процесса присвоения научных степеней и званий, выдачей соответствующих дипломов и аттестатов.

- Выходит, ваш Совет не только контролирует всю научную деятельность республики и аттестует кадры высшей квалификации, но и как третейский судья обязан вмешиваться в споры вокруг качества научной продукции, авторских прав... А что, ученые часто друг у друга... воруют?

- Мне вовсе не кажется, что в нашем ученом сообществе люди занимаются плагиатом чаще, чем в любой другой творческой среде: но такие случаи, конечно, бывают. Из 160-200 кандидатских и докторских диссертаций, которые мы одобряем за год, отсеивается по причине плагиата 2-3 процента. На днях мы инициировали судебный процесс по поводу научного плагиата 5 диссертаций, защищенных где-то в начале 70-х «нулевых годов». Порой жалобу на нарушение авторских прав подает сам пострадавший, чей научный труд использовал или присвоили... Иногда плагиат обнаруживает группа специалистов, заметивших научное воровство. Недавно румынские коллеги прислали книги для сравнения, в среде них - трактат в двух томах, скопированный с одного! Иста-

ти, россияне - более продвинутые, чем мы; у них даже в Государственной национальной библиотеке (бывшей «Ленинке») работает система «Антиплагиат», программа которой быстро выдает, есть такой текст где-то в Интернете и других информационных хранилищах или нет.

- И в России, и во Франции случались громкие скандалы, связанные с плагиатом: то депутат сворует чей-то труд, то министр на этом попадетсЯ. Объясните, зачем VIP-персонам фальшивая ученая степень? Денег же она не приносит...

- Все очень просто: это вопрос престижа. Если на визитке написано, что ты кандидат наук или доктор, авторитет сразу возрастает. Неизменно возникает мнение: если человек прошел «коридоры науки», он владеет научными методами, анализом ситуации, обладает методологическим подходом, что ценится в разных областях человеческой деятельности. И на руководящих должностях, кстати, тоже...

Граница компромисса

- Ваш Совет по аккредитации и аттестации ценит или... боится?

- Думаю, 50 на 50. Что до меня, то многие знают, что я человек честный, подлупу не поддаюсь. И принципами не поступлюсь, хотя, признаюсь, я не сторонник конфликтов. В общем, всегда стараюсь разрулить ситуацию мирным путем. На этой должности я уже пять лет, в прошлом году утвержден на второй срок, что расцениваю как знак доверия к моей особе ученой среды, которая меня рекомендовала.

- Интересно, а где в таком случае пролегает лично ваша граница компромисса?

- Знаете, вот даже у этого высотного здания, где мы сейчас беседуем, есть во время землетрясения допустимая амплитуда раскачивания, так и для меня, как человека, есть допустимая граница компромисса. Если её перешагнуть, обрушится что-то внутри. А этого я сам не хочу и не допущу...

- Замечто, что президентами нашей, да и не только нашей Академии наук, российской тоже, почему-то становятся ученые, занимающиеся реальными науками, - физики, математики... Какие у них преимущества, скажем, перед гуманитариями?

- Думаю, что эти преимущества - системный анализ, методология анализа. Я бы сказал, что реальные науки прошли более длительный отбор в процессе становления и, значит, имеют более глубокие «корни». Я уже не говорю о том, что эти науки более интегрированы в международном плане. Но, конечно, не могу утверждать, что пост президента Академии наук должен быть «забронирован» за представителями реальных наук. Все зависит от конкретного человека и масштаба его личности, степени доверия научного сообщества, да и всего общества в целом.

Патриот реальной науки

- Валерий Георгиевич, а вас заговорил физик?

- Конечно, все ученые - патриоты своей области: как вездущую, назовут свою нау-

ку или смежную. Но вот вы раньше у меня спрашивали, какие направления науки сейчас «в моде», в мировом тренде. И я тут со своим патриотизмом буду ни при чём: реальные науки сегодня в мировом тренде. И в нашей Молдове лидируют наука о материалах, физика и химия. До-

воды для такого утверждения - полученные результаты, и в первую очередь количество наших научных публикаций (в том числе появившихся в международном контексте), которые содержат новые решения и знания.

- Молдова - не самая богатая страна. Боюсь спросить: как финансируется наука? Мы на задворках мира или еще держимся?

- В мире на науку тратится в год где-то порядка триллиона трехсот миллиардов долларов. То есть чуть выше 1 процента мирового ВВП. Свыше 70 процентов этой суммы приходится на долю США, Европы, Японии и Китая. Россия тратит от неё 2,5 процента, а Молдова - 0,002.

Зато по количеству научных публикаций доля Молдовы - 0,014 процента (SCOPUS, 2012). Вы скажете: все равно скромно. Но дело в том, что тут действуют другие критерии. Мы заметны в информационном потоке. В мире за год публикуется около 800 тысяч научных работ, из которых 350-400 принадлежат ученым Молдовы. Так что сравните: финансирование науки - тысячные доли, а публикаций - сотни. Этот пласт работ приходится в основном на реальные науки. «За бортом» при этом подсчете остаются наши социальные и гуманитарные науки, которые чаще всего базируются на местном материале. А значит, им труднее вписаться в мировой контекст. Но тут как раз есть над чем

! Мы на рубеже, а выбор - за наукой?

! Роль патриотов никто не отменял!

«ЗОЛОТОЙ ЗАПАС»: ГОЛОВЫ...

поработать, то есть заняться продвижением наших собственных научных журналов.

- А какие проблемы у научной периодики в Молдове?

- У нас издается где-то порядка 70 национальных научных журналов. Но из них только один попадает в международный перечень, остальные, если так можно выразиться, просто не получили международного одобрения. Надо повышать качество их содержания и рецензирования, издавать на английском языке. Так что тут - и вопрос содержания, и технический вопрос. Вот если бы мы сделали однажды рывок, как коллеги в Румынии, соединив усилия в тесном взаимодействии с мировым научным сообществом. В общем, есть над чем работать...

Обретения и потери

- Валерий Георгиевич, наверное, нет человека, который время от времени не задавался бы вопросом: что мы потеряли после развала СССР и что приобрели?

- Что касается науки, на этот вопрос нет однозначного ответа: что-то потеряли, а что-то и приобрели. Потеряли, я бы сказал, рынок научных результатов. Худо-бедно, но в СССР немало идей наших ученых получало реальное воплощение. Я, как физик, который занимался фундаментальной и прикладной наукой, могу сказать об этом со знанием дела. Ведь можно было не только заниматься теорией, параллельно мы были вовлечены в какие-то прикладные разработки. В мире ценятся обе составляющие: за фундаментальные - дают Нобелевские премии, прикладные - основа инновационной экономики. Я, как физик, в то время не мог на бюджетные деньги обновить оборудование, чтобы развить свою лабораторию. Но зато, если в те 70-80-е годы выполнял какие-то госзаказы, договорные работы, деньги на эти цели появлялись. В общем, в Советском Союзе была целая сеть отраслевых институтов, которые активно вовлекали ученых нашей Академии наук в производство. Но с развалом СССР и это развалилось...

- Погодите, а такая практика разве не нивелировала звание ученого, он не превращался в рядового инженера?

- Нет, не думаю. Занятие исключительно фундаментальной наукой, при всей его креативности, - процесс, по большому счету, для себя самого. А ученый, по идее, должен же как-то отбрасывать право на эту креативность, искать и находить практические решения для общества, а это можно делать через инновационную среду, один из элементов которой - исследовательский сектор корпоративного уровня.

Ранее в Молдове было 60-70 разных отраслевых институтов, а сейчас остались только по медицине и сельскому хозяйству. По моему техническому профилю - «живу» разве один АО «ЕЛФИ», бывший институт приборостроения, да и тот еле держится на плаву. Ситуация необходимо экстренно исправлять!

- Каковы плюсы нового времени для молдавских ученых?

- Появились новые международные контакты, тесные связи с ведущими лабораториями мира. Ясно, что они на несколько порядков лучше оснащены, чем в бывшем Советском Союзе. И в 90-е кризисные годы во многом благодаря этим новым контактам мы сохранили кадры: если у нас бы не идеи, они находили на Западе поддержку. Наши ученые стали активно участвовать

в западных программах фундаментальных исследований. Коллеги-ученые приглашали нас к себе, мы участвуем в общих проектах. Лично я вел тогда 5-6 проектов. Потенциал для международного сотрудничества еще имеется. Хотелось бы, конечно, участвовать больше в конкретных прикладных исследованиях, которые ведут к реальному прогрессу.

«Научное гастарбайтерство» & реальный прогресс?

- А не имеем ли мы дело с новым видом гастарбайтерства - научным? Привлекают к работе, а важными секретами как бы не делятся...

- Наверное, существует какой-то барьер в этом смысле, есть и свои технические, как вы выразились, «секреты». Но ведь и у нас имеются свои «секреты»! Вот мы и подобрались к очень важному, ключевому моменту нашей научной политики в Молдове: как нам войти в зону передовых мировых технологий и разработок с помощью различных соглашений с Евросоюзом?

- И что, в этих соглашениях об ассоциированном членстве «на 90 страницах» уже обговорены, расписаны детали и условия продвижения нашей науки на Запад и - обратно?

- В том-то и дело, что они, к сожалению, совсем не прописаны! Я считаю, что президент АНМ и те кадры, которые формируют научную политику в Молдове, должны настоять на том, чтобы были включены в соглашения с ЕС следующие аспекты: например, условия доступа наших ученых к тому, что называется экспериментально-технической базой Европы, к их вовлечению там в конкретные заказы. Теперь второе: если сопоставлять практику бывшего СССР и Евросоюза, то становится ясно, что некогда существовавшая в Союзе школа формирования молодых научных кадров была большим плюсом. Мы тогда имели возможность стажироваться, например, в ФИАНе, физическом институте Российской Академии наук, одном из крупнейших и старейших научно-исследовательских центров России, научная тематика которого охватывает практически все основные направления физики. А вот что касается Евросоюза - дело другое. Хотя наши ученые свободно могут теперь ездить в различные научно-исследовательские центры Европы (только из моих докторантов там работа, т.е. человек десять), практика научных контактов там зиждется на другом - в общем, есть определенные ограничения... для «чужаков». Поэтому я и считаю, нужно предлагать свои условия ЕС и, если надо, торговаться.

Что там, за еврогоризонтом?

- Но чем торговаться-то и как? У нас что, есть для этого основания? Повод?

- Мы были участниками седьмой Рамочной программы, а сейчас ведется подготовка по включению в Европейскую программу «Горизонт 2020» (Horizon 2020), рассчитанную на 7 лет (2014-2020 годы). Она объединит три прежде независимых источника финансирования: Рамочную программу научных исследований и технологического раз-

НАШЕ ДОСЬЕ

ВАЛЕРИУ КАНЦЕР родился 5 февраля 1955 года в селе Захорна Шолданештского района.

Окончил физический факультет Кишиневского государственного университета, докторантуру Института физики Академии наук СССР.

Профессор Молдавского госуниверситета.

Доктор-хабилитат физико-математических наук, академик АНМ.

Член-корреспондент АНМ с 1995 года, академик с 2000 года. Доктор Honoris causa двух университетов. Почетный член Американско-румынской академии наук и искусств и Международной академии наук и искусств.

Лауреат национальной премии, автор более 500 работ.

С 2009 года - председатель Национального совета по аккредитации и аттестации.

Женат. Двое детей и двое внуков.

вития ЕС, Рамочную программу конкурентоспособности и инноваций и Европейский институт инноваций и технологий. Практически это программа научного сотрудничества всей Европы! Но Молдова принимается пока на общих условиях. А надо, чтобы на определенный отрезок времени для адаптации нашей научной среды, продвижения ее достижений были созданы какие-то преференции специально для нас - в плане помощи, подъема нашей науки.

- Чтобы были обговорены и созданы преференции, как для экспорта молдавских товаров?

- Совершенно верно! Не только нашим производителям, ученым тоже нужны преференции помощи. Пусть только на каком-то этапе, временно. Как были они созданы для ученого сообщества Польши, Словении и т.д.

А кто здесь останется?

- Скажите, у вас нет опасения, что при вступлении в ЕС (или даже раньше) наши лучшие молодые и перспективные научные умы будут просто «втянуты» Европой?

- Хороший вопрос. С одной стороны, да, такой риск есть, это мировой тренд: лучшие мозги из разных стран не первый год «перекачивают» в США и Европу, Японию и Китай. Но и тут нам нужно быть начеку! Вот представьте: в Германии сейчас работают трое наших исследователей, государство вложило в их становление деньги, труд других ученых и наставников. Почему бы в таких случаях не поднять вопрос о компенсации, не попросить деньги у заинтересованной в них страны?

- А если это святое намерение не входит в интересы принимающей стороны?

- Ну если они хотят видеть в Молдове какую-то периферийную, отсталую колонию, тогда понятно. Если же нет - могут поддержать и такое предложение. Ведь, если следовать логике, и нас хотят принять в Евросоюз, у нас должны быть для этого современные наука и образование, на высоком уровне. И, значит, под такой проект должны быть заложены фундаментальные основы.

- Погодите, а если развитым странам просто выгодно иметь научных гастарбайтеров из Молдовы?

- Конечно, им это выгодно! Тут двух мнений быть не может. У нас в стране, к сожалению, мало ученых защищает работы по физическим, техническим наукам, но их с удовольствием берут на Западе. Я, например, точно раз в месяц получаю соответствующий

запрос от какого-нибудь профессора из Франции или Германии. Не обязательно даже персональный - просто приглашают молодого человека, зарплата - 3,5 тысячи евро. Бывают, конечно, и персональные приглашения - молодые ученые сами их добиваются. Уровень образования у нас отнюдь не самый низкий, иначе к нам не посылали бы учиться студентов и не платили бы за них молдавскому вузу по 2-3 тысячи евро в год.

Разум и чувства

- Риску спросить ученого: какие у него политические взгляды и оценки нашей действительности?

- Считаю, что ученые должны делать одну политику - научную. Ну а убеждения - личное дело каждого. Академия наук должна иметь статус независимой организации и не должна колебаться из стороны в сторону, куда ветер подует...

- Вот вы идёте на выборы президента Академии наук, а многие ли от него зависят в самой АНМ?

- Зависит от степени доверия к нему, от умения защищать и повышать статус науки в стране. Даже от веры в него как в руководителя - именно как в организатора, в личность, а не как в вождя. Человек с кнутом на этом месте не годится. Руководство должно уметь направлять и координировать, ну и заботиться об исследователях, конечно.

- Любопытно, есть ли в вашей цитателе разума - Академии наук - такие расцветшие у нас явления, как кумовство, нанашизм, протекционизм?

- Академия наук, без сомнения, в меньшей степени поражена этими недугами, чем т. н. «хлебные места». Но поскольку она не изолирована от общества, какие-то элементы этих яв имеют и здесь. Зато в наших стенах процветает другое: инертность, привычка ждать указаний сверху, как в бригадах рабочие ждут наряда. Тогда как на каждом уровне ты сам должен принимать решение, отслеживать его результаты, а не ждать у моря погоды. Такая патриархальность - какой-то странный рудимент, часть ментальности или наследие советской системы... Трудно сказать.

- Под конец беседы хочется спросить: а время на какое-то увлечение, хобби у вас остается?

- Я с детства люблю читать, люблю и сами книги. У меня они везде: дома, в рабочем кабинете, в лаборатории - специальная литература, художественная, научная... Да, правда, времени на чтение катастрофически не хватает, зато в командировках, пока ждешь в аэропорту, летишь в самолете, едешь в метро, обязательно прочтешь, как минимум, одну книгу, чем я и пользуюсь. Последнее время почему-то «подсел» на интеллектуальные детективы Дэна Брауна. Недаром его отец был профессором математики - что-то есть в этой «развлекательной» литературе от головоломки.

Еще я рыбак, хотя и не такой заядлый, как один мой коллега, который каждую субботу с утра - на Днестре. И разводить руками, и хвататься, что поймал сома на 15 килограммов, не буду. Мой персональный рекорд - рыба килограмма на полтора-два, пойманная на спиннинг. Ещё из увлечений - театр. Раз в квартал точно там бываю, особенно если знакомые советуют посмотреть какую-то интересную премьеру.

- Какое качество вы цените в людях, а какое, наоборот, не приемлете?

- Сам я человек открытый, контактный, искренний, поэтому и откликаюсь на искренность другого человека. А не приемлю противоположное - лицемерие. Не люблю в людях способность мимикрировать, когда один и тот же человек ведет себя совершенно по-разному и надевает разные маски в зависимости от среды, общества, в которое попал и в чем присутствие находится. Надо ценить свое достоинство и не в меньшей мере - достоинство других...

- Спасибо за беседу.

Беседовала Елена ШАТОХИНА.